

ПРИНЦИПЫ ИЛИ ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ?

Вопрос о более совершенном структурировании материала по курсу «Логика» поднимался нами неоднократно (1), ибо логика как наука упорядоченностью своего содержания должна соответствовать нормам и структуре научных систем. Приведенные нами аргументы, похоже, оказались неубедительными, о чем свидетельствует непоследовательность построения логического материала в учебниках, изданных совсем недавно (2). До сих пор в них одни и те же положения называются то принципами, то основными законами и располагаются в разных частях учебника. Так есть ли необходимая их связь с остальным логическим материалом?

Попробуем еще раз рассмотреть вопрос о структуре учебного материала по традиционной формальной логике, т. е. вопрос о построении учебника «Логика», а заодно и связанный с ним вопрос о месте в нем принципов и основных законов логики.

Поскольку любая наука представляет собой, в частности, и определенную систему знания, то как система это знание должно быть обязательно упорядоченным, и его упорядоченность предполагает в своей основе не случайные признаки, а существенные, необходимые. Однако о какой системе, о каком «законе» структуры учебника можно вести речь, если один из важнейших элементов содержания учебного материала, т. е. системы, — основные законы логики помещены то в середине (как у В. И. Свинцова и А. Никифорова), то в конце учебника (как у Е. А. Иванова).

С этим трудно согласиться, потому что логика, повторяем, формулируя условия и нормы научного упорядочивания, требуя определенности, последовательности и аргументированности, и сама должна выполнять эти требования. Тем не менее ни в одном из упомянутых учебников не объяснено, почему понятие рассматривается раньше суждения и почему основные законы логики излагаются то в середине, то в конце учебника.

В главе об основных формальнологических законах, например у Е. А. Иванова, подчеркивается, что эти законы «действуют» и «проницают» все формы мысли и без них анализ этих форм будет неполным (3). Между тем тот же Е. А. Иванов обошелся без них вплоть до заключительного раздела. Получается, что эти основные законы не такие уж и основные. И хотя они «проницают» и «действуют», однако не проявляют себя, и связь основных формальнологических законов с основными формами мысли оказывается утраченной. Видимо, это и есть главная причина того, почему столь подвижно место законов, называемых в логике основными.

Законы открываются и формулируются в рамках той или иной науки и принадлежат этим наукам: физике, химии, биологии и т. д. Но были ли открыты так называемые «основные законы» в рамках логики? Так законы ли они и основные ли? На наш взгляд, нет! И приписываемое традицией Г. В. Лейбницу открытие закона достаточного основания есть лишь историческое недоразумение, порожденное незнанием истории — свойством, присущим всему средневековью.

Анализ истории философии свидетельствует, что даже Аристотель, собственно, не открывал основных законов логики, да и относительно закона достаточного основания известно, что еще Левкиппом и Демокритом формулировалось положение (это отметил в своей работе А. О. Маковельский), согласно которому ничто не возникает беспричинно, но на каком-нибудь основании и по необходимости (4). Аристотель лишь переосмыслил уже имевшиеся в философии положения, носившие общий характер, переосмыслил их относительно специфического предмета — мышления, рассуждения. А так как он учил начинать с «начал», с принципиальных положений, то назвал такие положения не законами, а принципами.

Принцип тождества в философии известен со времен Парменида. Аристотель, можно сказать, лишь придал ему логический смысл, ибо он в своей логике говорит не о сущности, а о ее *познании*. Так же в виде принципиальных положений сформулировано им и противоречие. Истории, как длительного процесса открытия этих «законов», не существует, как не существует такой же истории открытия аксиом (определений) геометрии Евклида. Они лишь осознанно **принимаются**, в силу того, что науки не могут пускаться в «дурную» бесконечность поиска причин или перводвигателя того или иного предмета, процесса. Наука осознанно ставит предел, «начало», т. е. указывает точку отсчета, с чего она будет начинать. Геометрия Евклида в этом смысле есть реализация применительно к определенной предметной области методологических положений Аристотеля. Эти положения приложимы и к логике. И роль аксиом, а точнее — принципов логики, выполняют, как мы полагаем, три положения: принцип тождества, принцип противоречия и принцип достаточного

сти. Выполняя роль «пачал», они, конечно же, должны предшествовать основному содержанию логики как науки.

Логика как наука дедуктивного характера опирается на ряд фундаментальных положений (основоположений), своей простотой и нерасчлененностью, монолитностью выполняющих роль фундамента всего «здания» науки логики. Понятно, что принцип как наипростейшее не может иметь сложной формулировки, а по сравнению с этим неотъемлемым свойством принципа формулировки основных законов в учебниках логики чрезмерно усложнены, поэтому они и не могут быть механически переименованы в принципы.

Предлагаемая нами концепция снимает эту рассогласованность. Раз принципы логики просты и формулировки их лаконичны, то принцип тождества, например, может быть представлен простым предложением: *«Всякая мысль тождественна самой себе»*. Ясно, что такое положение, в силу своей умозрительной самоочевидности, не нуждается в обосновании. Оно принимается или отвергается — и все. Конкретизация же этого положения зависит как от нас, так и от условий, места, времени и обстоятельств, но всякая, какая бы она ни была, истинная или ложная, мысль тождественна себе самой.

Принцип противоречия тоже предельно прост и лаконичен в словесном выражении: *«Противоречащие мысли не могут быть одновременно истинными»*. Понятно, что здесь необходимо уточнение, необходимо определение противоречия. Противоречие — категория философии, и определение, интерпретацию ее мы должны брать оттуда. Логика не изобретает противоречия. Противоречие в философии — это любое отличие, неодинаковость, несовпадение чего бы то ни было с чем угодно другим, а то и с самим собой, но в разное время.

Приложимо к предмету логики противоречащими мыслями будут сравнимые, но не совпадающие по объему мысли об одном и том же. Такое несовпадение может быть двух видов: несовпадение как простое отрицание типа « a — не- a »; как доведенное до предела несовпадение, т. е. противоположность, типа « a — y », « α — ω », «умный — глупый» и т. п. Поскольку в суждениях с учетом сложности их структуры эти отношения будут несколько иными, то, уточняя их, мы определяем противоречащие суждения как разные и по количеству, и по качеству, т. е. «Все есть P » и «Некоторые S не есть P »; а противоположные — как различные лишь по качеству, т. е. «Все S есть P » и «Все S не есть P ». Следовательно, противоречие применительно к мыслям обладает общим свойством: противоречащие мысли одновременно истинными быть не могут.

Данное принципиальное положение, уточняясь относительно несовпадающих мыслей об одном и том же, принимает более конкретные, хотя и более пространные, формулировки, т. е. конкретизируется в виде основ-

ных законов. Единый принцип, в зависимости от вида противоречия, принимает для широкого, условно говоря, противоречия (типа «а — не-а») следующую формулировку: *противоречащие мысли не могут быть одновременно не только истинными, но и ложными; одна из них необходимо истинна, другая — ложна, и наоборот*. А вот противоречащие мысли типа «а — а», т.е. противоположность (узкий смысл), конкретизируются законом, носящим не очень удачное название «закон противоречия» (правильнее — «закон противоположности») и формулируется так: *противоречащие (противоположные) мысли не могут быть одновременно истинными, по меньшей мере одна из них ложна, по большей мере обе могут быть ложными*. Таким образом, один и тот же принцип реализуется, учитывая вид противоречия, в виде законов по-разному.

Следующий принцип — принцип достаточности — формулируется, как и всякий принцип, кратко, а именно: *всякая мысль имеет достаточное основание*. Это положение одинаково правомерно и в том случае, когда мы имеем истинную мысль, и в том, когда — ложную. В обоих случаях существуют достаточные основания для их появления. Но поскольку для науки важнее истинные мысли, более расхожей в наших учебниках является такая формулировка этого положения, которую и следует понимать как конкретизацию **принципа**: *всякая истинная мысль имеет достаточные для этого основания*.

Обычно особо отмечается значимость данного положения в доказательстве. Это положение важно везде, в любом процессе рассуждения (мышления), использующем те или иные мысли, а как принципиальное положение оно относится к любой мысли, раз уж она появилась, сформирована и осознана. Основания для этого определенно были.

Принципиальные положения, если они принимаются (а они могут и не приниматься), определяют собой неотъемлемую особенность логики как науки, ее функциональную значимость для человека и науки: определенность, недвусмысленность, четкость и точность (принцип тождества); последовательность (принцип противоречия) и доказательность, аргументативность всякого, как научного, так и вненаучного (принцип достаточности) мышления. Именно этим логика рассеивает туман иррациональности, потусторонности и запутанности. Не приемлющие этих положений должны создавать свои особые логики.

Завершая, можно сказать, что здание логики как науки должно строиться на определенном основании, и таковым выступают принципы логики, своей простотой и монолитностью как раз и выполняющие роль фундамента. В качестве конкретизации принципиальных положений в той или иной ситуации могут выступать основные законы. И тогда станет понятным, почему следует начинать с принципов и почему основные законы в одних случаях помещены в середине, а в других — в конце учебников.

Далее, здание логики как науки должно еще и состоять из определенных строительных единиц, совокупность которых и позволяет создавать разнообразные по стилю «здания» этой науки. Таким строительным элементом, на наш взгляд, является понятие как простейшая форма мысли, выступающая своеобразным «кирпичиком» и мышления, и знаниевого «здания» науки логики. В этом случае также становится понятным и обоснованным, почему понятие как форма мысли рассматривается раньше других форм мысли, тогда становится аргументированной и закономерной вся структура логики как науки.

Помимо этих особенностей, отличающих структуру учебника по логике, есть еще и определенная внутрисодержательная последовательность, также подчеркивающая закономерный характер связи материала в логике. Речь идет о той последовательности, обусловленной закономерностями процесса познания, которая позволяет достаточно полно изложить логическое учение о той или иной форме мысли и в то же время дать нормативы практического использования этих форм мысли. В нашем изложении эта последовательность определяется движением от общей характеристики предмета исследования (от его *определения*) к выявлению его строения (*структуры*), установления разновидностей (*видов*) этого предмета, *отношений* между ними и, наконец, действий, *операций* с ним (5). А так как логика изучает формы мысли, то относительно всех основных форм мысли в этом процессе идет не просто накопление, вполне возможно, никому ненужного знания, а знание собирается для того, чтобы им воспользоваться, чтобы с его помощью оптимизировать мыслительный процесс.

¹ См.: *Материалы* I и III научной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке». Л., 1990; СПб., 1994.

² См.: *Иванов Е. А.* Логика. М., 1996; *Никифоров А.* Книга по логике. М., 1995; *Свищов В. И.* Логика. М., 1995.

³ *Иванов Е. А.* Логика. С. 260.

⁴ *Маковельский А. О.* Досократики: В 3 ч. Ч. 1. Казань. 1914. С. 208.

⁵ См.: *Кобзарь В. И.* Основы логических знаний. СПб., 1994. С. 3–5.